

Тама замял ее жалобы, как только они вошли через парадную дверь.

Эйдзи подобрала её и обняла, извинившись за то, что оставила её в дремлющей, тёплой духовке, которая была самой безопасной частью дома для кошки. Когда происходили набеги, это было очень щекотливое решение. Он проверил, чтобы убедиться, что печь неактивна и безопасно убрал ее с приоткрытой дверью, чтобы она могла дышать.

Она была умной зверюшкой, которая смогла протолкнуть свой путь через дверь и бросилась приветствовать их всех, покрытых сажей.

Когда все вернулись в главную комнату, мужчины собрались у нижнего столика, в то время как Футуба уговаривала детей готовиться к постели. Конечно же, подростки ворчали, желая подольше не спать с Эйдзи.

Понимая это, Эйдзи и Тама оторвались от Хару и других мужчин, серьезно обсуждая топливные чипсы и автомобили.

"Эй, Рiku, ты все еще используешь доску Отосана "Го". Он подло сказал парню, когда Футуба подавала чай.

Эйдзи поставил Таму у двери детской спальни. Она обнюхала его ноги, когда он собирал доску из шкафа, на которую указала Рiku, находившаяся рядом с их комнатой.

Его лицо расслабилось в ностальгической улыбке на доске его тестя, которая была почетно расположена на верхней полке с маленькими предметами, заполняющими ее. Он аккуратно снял с полки квадратную желтую доску и мешочек с кусочками и нахмурился на набор букв, которые плескались им по полу.

Тама любопытно нюхнул старые листы аккуратно сложенной бумаги возле ног. Он аккуратно положил доску на землю и поднял буквы. Его сердце безумно билось при виде чистейшего почерка Хинаты на поверхности.

"Аники написал это, когда ты уехал на Окинаву". Рiku прозрел, когда поехал претендовать на доску. "Можешь взять их, если хочешь."

Эйдзи смотрел на своего шурина с шоком. Это было действительно нормально? Он посмотрел на письма, которые до сих пор пахнут дикими цветами из их дома в деревне. Это напомнило ему о его собственных письмах, которые Юрий доверил доставить в Хинату. Его желание воссоединиться с партнером было сильнее.

Слеза выскользнула из его глаза, когда он крепко схватился за край бумаги. Один факт успокаивал его сердце тем, что Хината поддерживал связь с матерью, несмотря на своё упрямое решение оставить семью из-за неприятностей, которые причинил ему губернатор

Такаки.

Он вздохнул и прочитал одно из писем, в котором рассказывалось о жизни в деревне, и надеялся, что всё будет хорошо. Оно было кратким, вежливым, но полным невысказанных чувств и заботы, которые проявлялись на прямых, жирных линиях каждого штриха персонажа. Мазки пера, с которыми Эйдзи был более чем знаком. Он держал буквы близко к сердцу, пытаясь почувствовать связь слов на бумаге.

"Эйдзинийсан?" Рику вежливо вывел Эйдзи из мыслей и вежливо отвлекся от взгляда, когда он поймал человека со слезами на глазах. "Я собираюсь устроить игру".

Эйдзи отбросил момент меланхолии и заставил улыбнуться мальчику. "Конечно. Не жди, что я полегче с тобой".

Кейко вошла в коридор после окончания уборки и присоединилась к соревнованиям. Они втроем устроили игру, которая продолжалась часами, пока не вошла Футуба, чтобы дать им мамину ругань о том, что они идут в постель.

Эйдзи оставила Таму в комнате Кейко и Рику, когда ее свернули в мяч, и быстро заснула рядом с головой Рику. Это был слишком милый момент, чтобы беспокоить.

Когда он вернулся в комнату для гостей, то увидел, что Кэй не терял времени на то, чтобы поднять средний футон и погрузиться в глубокий сон. Его тело было натянуто на его и половину футона Шона, который был выложен слева.

Тайн сидел рядом с внешней панелью Сёдзи в размышлениях. Эйдзи нахмурился на карте, которую Шон изучал рядом с Тайном.

"Это и есть комикс?" Его вопрос был прошептан низко, когда он нашел место рядом с ним.

"Это Хиросима и префектуры вплоть до Окинавы." Тайн прошептал трезво.

"Идеальная детализация этой страны." Шон сравнивал шепот Тайна с вздохом. Он свернул карту и засунул ее под рубашку сзади в штаны.

"Это заставляет меня нервничать." Эйдзи нахмурился и углубился. Он сжимал губы. "Тайн. Твоя страна хороша?"

Тайн знал, что это не вопрос с оправданием или обвинением, но хотел снять страх, который они все разделяли.

"Это моя вера, да, моя страна." Тайн осторожно ответил, соответствуя хмурости Эйдзи.

Эйдзи вздохнул с волнением и закрыл глаза.

Тайн и Шон были хорошими людьми. Они могли бы очернить его напоминанием о его положении военнопленного, но вместо этого они предпочли быть его другом. Как бы опасно это ни было, это был также самый гуманный способ осуществления этих отношений и их приказов. Он должен был хранить веру в этот факт, а также в то, что они были только людьми, выполняющими приказы для своей страны, в которую они верили. Он ничем не отличался от него, когда служил, расстреливая врага перед ним на линии фронта.

"Хорошо. У тебя есть приказ" Эйдзи выбил из колеи его беспокойство. "За твоего бога и страну".

Он кричал, когда Шон прыгнул на него с медвежьим объятием и затащил его в объятия на футоне, который был выложен для Тайна.

"Переспи со мной сегодня вечером", - прошептал Шон в ухо Эйдзи, что забило ему легкий удар кулаком в живот.

"Я не имел это в виду в извращенном смысле". Он стонал от боли, и его глаза слезли.

"Ты обнимаешься как любовник. Ни за что на свете." Эйдзи рычал и пошёл утверждать, что футон Шона был самым далеким от человека, а Кэй - буфером посередине.

"Я обниму тебя, чтобы ты уснула, детка." Тайн язвительно пошутил.

Шон испортил себе нос. "Не может быть, чтобы ты, большой людоед."

Он устроился поудобнее в футоне Тайна и прижимался к Кэю, который во сне проклинал идиотов-иностранцев, которые не могли поменять шину.

Тайн посмеялся и вернулся к своему задумчивому настроению, продолжая следить за своими спящими товарищами.